

ПРЕЗУМПЦИЯ ЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК УСЛОВИЕ ВИНЫ
И ОТВЕТСТВЕННОСТИ И КАК ВАЖНОЕ ПРАВИЛО,
НУЖДАЮЩЕЕСЯ В ВОЗВЕДЕНИИ В ПРИНЦИП

В статье на основе анализа общеправового правила «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, а также порядка опубликования новых положений данного законодательства, их обнародования, комментирования, разъяснения гражданам. Предлагается, в частности, дополнить Уголовный кодекс РФ статьей 5.1, которая устанавливала бы принцип презумпции знания уголовного закона как условия вины и ответственности.

Уголовное законодательство не предусматривает общеправовое правило презумпции знания закона как условия вины и ответственности в качестве самостоятельного своего принципа. Не возведены в статус принципов и, например, такие правила, как недопустимость применения уголовного закона к деяниям, не предусмотренных им в качестве преступлений, но аналогичным по отдельным признакам тем, которые им предусмотрены в качестве таковых, недопустимость придания обратной силы более строгому закону и обязательность придания обратной силы закону менее строгому, не придание состоянию опьянения, независимо от его степени, значения обстоятельства, исключаящего вину и ответственность, за исключением случаев, когда это состояние сочетается с состоянием невменяемости, в том числе обусловленным факторами, не связанными с состоянием опьянения, приоритет российских законов перед законами зарубежными, обязательность действия российских законов на территории всего Земного Шара в отношении наших граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, а также

в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно на нашей территории, но совершивших преступления, посягающие на российские интересы.

Формально нет принципа презумпции знания закона как условия вины и ответственности и в других, помимо уголовного законодательства, законодательных отраслях. Но так как по существу все люди с детских лет (и особенно в школьные годы) знают о том, что нельзя брать чужое, негоже портить вещи, не пристало вредить кому-либо каким-то иным образом, а тем более оскорблять или бить кого бы то ни было, и вообще недопустимо делать что-либо такое, за что люди осудят, то каждый, совершая нечто подобное, психологически уже готов к тому, что за все это придется, так или иначе, платить, то есть отвечать тем или иным образом. И тем более каждому доподлинно известно, что ссылаться на то, что нечто нехорошее (плохое) случилось «по незнанию», «по глупости», как бы «само собой» и т.д. – себе дороже: «получишь» и за допущенное плохое поведение, и за ту «глупость», которая к нему привела. Чтобы впредь человек был умнее, расторопнее, предусмотрительнее, наконец.

Все это вошло, можно сказать, в наши плоть и кровь, в само сердце, в сознание, душу. Применительно к правонарушениям сказанное приобрело характер неписаного правила, суть которого выражается обычно следующими словами: незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Справедливости данного правила учат и жизнь, и практика правосудия, и школа, и профессиональное обучение, и родители, и вообще все наше окружение.

Между тем, если говорить о сфере преступного поведения, многие уголовно-правовые запреты формулируются со ссылками на те или иные специфические и к тому же меняющиеся правила. Это, например, запреты, формулируемые в бланкетных диспозициях уголовно-правовых норм, содержащих ссылки на обычно меняющиеся нормы налогового, гражданского, административного, трудового и иного «внеуголовного» законодательства. Такого рода «внеуголовноправовые» нормы, не теряя своей административно-правовой,

гражданско-правовой или иной своей собственно отраслевой сущности, включаются при определенных условиях (например, при наступлении каких-либо тяжких последствий) в структуру соответствующих норм уголовного законодательства и становятся (хотя, понятно, и временно, то есть на время совершения соответствующего преступления) их неотъемлемой принадлежностью, органической составной частью, важным конструктивным признаком. Эти запреты касаются, в частности, крупных и особо крупных размеров ущербов, доходов, задолженности – например, в преступлениях в сфере экономической деятельности. Еще совсем недавно эти размеры были *одними*, а сегодня они становятся (в основном в связи с инфляционными процессами) уже *совершенно другими*.

Так, постоянно меняются крупный и особо крупный размеры неуплаченных налогов или сборов в составах налоговых преступлений. Если *еще вчера* они измерялись тысячами рублей, то *сегодня* – уже миллионами. Человек, ввиду, например, длительной зарубежной командировки, продолжительного нахождения на лечении, иных отвлечений или прочих извинительных обстоятельств, мог и не знать того, что его поведение, *еще совсем недавно* рассматривавшееся законом как вполне добропорядочное (или, по крайней мере, не выходящее за рамки дозволенного), *в настоящее время* уже признается преступлением – со всеми, разумеется, вытекающими отсюда последствиями. Наконец, человек мог просто не сориентироваться в меняющихся условиях, а следовательно, и в правовой сути собственного поведения – в частности, по причине особенностей своего интеллектуально-волевого состояния (постоянного или временного).

Как быть, во всех этих случаях? С одной стороны, закон, определяя понятие вины и его форм, ничего не говорит о *сознании* лицом правовой запрещенности деяния, признаваемого преступлением, но с другой – совершенно очевидно, что законы пишутся именно для людей. И законодатель, конечно же, *рассчитывает* на то, что люди их читают, вникают в их суть, достаточно отчетливо понимают пределы разрешенного поведения. То есть мудрый зако-

нодатель (иным он и не может быть по самой своей сути), нацеливая свои законодательные нововведения на ту или иную сферу жизнедеятельности острее уголовно-правового контроля, исходит из того, что граждане, ознакомившись с новациями и верно уяснив их суть, *будут* соблюдать установленные новые правовые требования. Отсюда вытекает обязанность законодателя постоянно знакомить граждан с издаваемыми им правовыми новациями, разъяснять их общий смысл и главное содержание, пропагандировать важность и необходимость прислушиваться к новым требованиям, неукоснительно их соблюдать, быть готовым к тому, чтобы отвечать за их нарушение.

В данной связи вспоминается давний случай. Еще в советское время одним из сибирских судов был оправдан привлеченный к ответственности за самогоноварение (был такой период в нашей истории, когда данное деяние признавалось преступлением) 89-летний сельский житель. На высказываемые в судебном заседании упреки прокурора в недопустимости подобных действий старик неизменно отвечал недоумением: а почему, а где это сказано..., читать не умею..., да и газет в деревне никто не выписывает..., радио тоже нет..., о телевизоре только от кого-то слышал..., продукты для браги в магазине не покупаю – нет на это денег, пенсия маленькая, на жизнь ее не хватает, да и необходимости в том нет – все из собственного огорода использую... «Губишь, – продолжает наседать прокурор, – свое драгоценное здоровье». «Да нет, – отвечает незадочливый подсудимый, – на здоровье пока не жалуясь, скоро буду отмечать 90-летие... Дай бог и вам дожить до моих лет...». Постановляя оправдательный приговор, суд сослался, на то, что привлекаемое к ответственности лицо не осознавало общественной опасности совершаемых действий ввиду преклонного возраста – как и на ряд других обстоятельств, в том числе тех, которые не позволили лицу быть осведомленным в соответствующем правовом смысле.

Этот подсудимый в чем-то сильно смахивал на «злоумышленника» из известного одноименного чеховского рассказа – человека, который никак не мог взять себе в толк, в чем же его все-таки обвиняют – ведь отвинченная им

от железнодорожного полотна для удилица гайка, по его собственному представлению, никак не могла привести к крушению поезда. «Злоумышленник», помнится, был все же осужден. Но если вникнуть в описанную А.П.Чеховым ситуацию, то можно придти к выводу о том, что достаточных оснований для этого не было, так как никакого умысла (а тем более «злого») в его действиях не содержалось. Невежественный (в юридическом смысле) крестьянин не понимал не только запрещенности совершенных им действий, но и их общественной опасности («... нешто из-за одной отвинченной гайки крушение случится...»). Заметим, что, ко всему прочему, во времена А.П.Чехова такие люди (жители сельской местности) сплошь и рядом были неграмотными. С законами их никто, понятно, не знакомил, само понятие «правовое просвещение населения» тогда вообще не существовало, а миссия священнослужителей в общении с прихожанами ограничивалась в основном лишь самыми общими поучениями – типа «не убий», «не укради» и т.п. Да и тогдашнее правосудие далеко еще не «доросло» до того понимания вины, которое свойственно современному правосудию.

Однако, несмотря на наш просвещенный XXI век – век освоения Космоса, сплошной грамотности населения, компьютеров и всеобъемлющей мобильной связи, Интернета, кабельного и спутникового телевидения, теле- и радиокommunikационных систем, по существу поголовной автомобилизации и нанотехнологий, век, когда, благодаря платному образованию, едва ли не в каждом доме есть уже свой дипломированный юрист («...хоть маленький, – как поется в известной незамысловатой песенке, – но свой...»), ситуация с правовой грамотностью населения с тех пор в принципе все же мало чем изменилась. Во-первых, изданиями законодательных, правительственных и иных официальных органов киоски не торгуют, так как никто их не покупает – и скучно, и накладно, и необходимости вроде бы особой в их приобретении нет («много будешь знать, – говорят у нас в народе, – рано состаришься»), радио и телевидение устранились от своей обязанности информировать население о новых законах (ведь надо развлекать и веселить людей, да к тому же и выкраи-

вать время для рекламы), депутаты же поддерживают «связь с народом» (если поддерживают вообще) только в периоды избирательных кампаний. А, во-вторых, изменения и дополнения вносятся в действующее законодательство *постоянно*, едва ли не каждый день, сыплются как из рога изобилия. Уследить за ними не под силу даже профессиональным юристам, в том числе прокурорам и судьям, кандидатам и докторам наук, доцентам и профессорам, членам-корреспондентам и академикам, заслуженным юристам РФ и заслуженным деятелям юридической науки РФ, в связи с чем правовая работа все еще грешит грубейшими ошибками. О какой же юридической грамотности рядовых россиян может идти речь, если они сегодня все еще основательно придавлены повседневными заботами, в том числе о куске хлеба, о том, чтобы как-то сводить концы с концами, о поисках дополнительных заработков – для поднятия жизненного тонуса семей?

Проблему правовой осведомленности наших граждан следует, как представляется, решать с нескольких сторон. Во-первых, само законодательство должно стать более стабильным. Нельзя его менять едва ли не каждый божий день. Если не грянула война и не наступили другие какие-либо другие чрезвычайные обстоятельства, то новые законоположения должны, накапливаясь, публиковаться едиными пакетами с какой-то более или менее устойчивой периодичностью – допустим, раз в три, четыре или шесть месяцев. Во-вторых, законы должны готовиться на понятном, доступном для всех языке. В-третьих, одновременно с новыми законами должны публиковаться также и их *официальные* комментарии (а не какие-то большей частью, грубо говоря, «филькины грамоты», с которыми сегодня приходится, к сожалению, еще сталкиваться, и которые, переиздаваясь едва ли не каждый год – с одними и теми же, кстати, ошибками и опечатками, ничего, кроме путаницы, в понимание закона не вносят) – с пояснениями их необходимости, важности и т.д. В-четвертых, целесообразно одновременно публиковать и общие принципы новых законоположений, что существенно способствовало бы повышению уровня юридической грамотности населения. В-пятых, важно установить официальный запрет на

введение законов в силу *в день опубликования*, так как в стране немало таких местностей, куда «Российская газета» (издание, оперативно публикующее официальные тексты новых законов) доходит только спустя дни, недели или даже месяцы (если, конечно, вообще доходит). В-шестых, требуется установить такой порядок, при котором опубликование новых законов сопровождалось бы и их обнародованием, в том числе посредством прессы, а также лекций и индивидуальных бесед, которые проводились бы как профессиональными юристами, так и студентами-старшекурсниками юридических вузов. Наконец, в-седьмых, пакеты новых законоположений со всеми необходимыми приложениями к ним должны бесплатно направляться в каждую семью, в каждую квартиру, в каждый индивидуальный дом – под роспись.

Все это в совокупности не позволит нарушителю закона ссылаться на его незнание. Да и претензии государства на статус правового станут в этом случае более основательными, а следовательно, и более оправданными. Если еще в древнейшие времена короли и другие монархи обнародовали свои установления обычно громогласно и повсеместно, заставляя свои отряды объезжать буквально все селения, трубя сборы и с выражениями «Слушайте, слушайте, слушайте... И не говорите потом, что вы этого не слышали...» внедряли в сознание людей то, что от них требовала власть, то тем более *сегодня* мы должны тоже что-то делать в этом же направлении – безусловно, трудном, но очень важном и крайне обязательном направлении.

В данной связи представляется целесообразным во всех трех предложениях п. 3 ст. 15 Конституции РФ термин «опубликование» дополнить термином «обнародование» – естественно, с усилением акцента на последнем термине. Новая редакция данного пункта видится нам в следующем виде: «Законы подлежат обязательному официальному опубликованию, а также их широкому и полному обнародованию, состоящему, как минимум, в бесплатной доставке текстов официально опубликованных законов в каждую семью, в каждый дом, в каждую квартиру – с разъяснением сути опубликованных законов в специальных приложениях и непосредственно, то есть в форме публичных

лекций, а при необходимости – и в форме индивидуальных бесед. Неопубликованные официально и должным образом обнародованные законы не применяются. Опубликованные и должным образом обнародованные законы вводятся в силу не ранее одного месяца после их полного обнародования, а в необходимых случаях – не ранее трех или шести месяцев, если сложившиеся обстоятельства не требуют более продолжительных сроков – например, одного года, двух или трех лет. Опубликованный закон считается в полной мере обнародованным после доставки его текста со всеми необходимыми разъясняющими приложениями в дом, квартиру, семью под роспись и проведения соответствующей лекции или при необходимости – еще и индивидуальной беседы по месту жительства гражданина. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы, законные интересы и обязанности гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения и должным образом не обнародованы».

Полагаем, что правило презумпции знания уголовного закона следует возвести (для правильного его понимания и с учетом его особой строгости) в статус *принципа* уголовного законодательства, закрепив его в этом законодательстве (например, в нововведенной ст. 5.1 УК РФ) в следующем виде:

«Статья 5.1. Принцип презумпции знания уголовного закона

Нарушение уголовного закона вследствие его незнания влечет уголовную ответственность на общих оснований, если такое незнание не касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, и не явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключающего вменяемости невежества нарушителя закона. Если такое незнание касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, или явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключающего вменяемости невежества нарушителя закона, то суд, установив эти обстоятельства и признав

их извинительными, принимает решение об отсутствии вины у лица, совершившего соответствующее деяние».

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Нижегородского филиала
Государственного университета – Высшей школы экономики,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,
руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам
Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Панченко Павлу Николаевичу.

Домашний адрес по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корп. 5, кв. 67.

Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.